

Малиновый развод (отрывок)

Когда я не могу сосредоточиться, всегда думаю о Боге. Не то, чтобы я был очень верующим человеком, просто такие мысли помогают мне отбросить всю ту кутерьму, что вертится у меня в голове. Ее очень много, этой кутерьмы. Болезни детей, мамины похороны, сделка с Трансремфондом, строительство бани, непродленная страховка, а теперь еще и развод добавился в эту вереницу жизненных неурядиц. Я начинаю копать в осколках нашей жизни, вспоминаю мелочные обиды, очень долго пытаюсь представить себе ее темное платье. Как она говорила? Медно-багровое. Но я не вижу цвета, того самого цвета. Передо мной какая-то палитра красно-коричневых красок. Я по очереди опускаю кончик указательного пальца то в одну темную капельку, то в другую, ставлю этим пальцем отпечаток на салфетке, а потом подолгу рассматриваю это крошечное пятно под ярким светом лампы. И все не то. Он исчез, этот цвет. Смыт, стерт, расплавлен. Выцвел. Вот опять, видите?

Так, надо думать о Боге. Когда я был маленький, то представлял себе сморщенного седовласого старика, который сидит на облаке, болтает ногами и грозно смотрит на меня оттуда в подзорную трубу. Если мне хотелось сделать пакость, я всегда ужасно боялся этого вымышленного взгляда, и, как смысленый и хитрый пацан, вместо того, чтобы отказаться от задуманного, представлял, как я запрыгиваю на облако и меняю подзорную трубу на калейдоскоп, пока дед спит, посвистывая носом. Так я избавлялся от слезки и с особым удовольствием стрелял рогаткой по воробьям, таскал соседские яблоки, беззастенчиво врал родителям, в общем, постепенно погружался во что-то темное и вязкое. Это мелкие детские грехи, скажете вы. Верно, но из мелочей и состоит наша жизнь. Из маленьких клякс можно быстро насобирать целую лужу, две-три лужи – это уже маленькое болотце, а тут уже и до океанских размеров трясины рукой подать. Вот я, стою по грудь в этом мутном, желейном, верчусь по сторонам, всматриваюсь вдаль, а суши не видать. За тридцать девять лет разрослось мое болотце. А вы говорите, мелкие детские. Мелочь – основа мироздания, ее суть.

Сейчас, конечно, я не думаю об этом деду. Он состарился да и помер. Миф. Теперь, когда я думаю о Боге, я вижу перед собой огромный белый лист. А больше ничего. Просто белая бумага, мягкая такая, местами шершавая, тянется во все стороны от меня. Я пытаюсь ухватиться за нее, сжать в кулак, а она не дается, выскользывает из рук, переворачивается, а на обратной стороне все та же белая белица. И, убедившись, что она вся такая чистая и белая, я успокаиваюсь. Тревожные мысли растворяются, уходят. Хотя бы ненадолго. И мне хорошо, тепло, верно. Но потом раз – какой-то след, будто детской ладошки, там, вдалеке. И цвет такой неясный, сложно объяснить, будто коричневый, но с какими-то красными не то вкраплениями, не то разводами. Медно-багровый! Бегу туда, падаю лицом вниз, к этому следу, всматриваюсь в него – не тот. Разводы и правда есть, но какие-то малиновые что ли. Малиновый развод. Это про нас, так все и было. Черт побери! Снова пришел туда же. И так каждый день, каждую ночь, брожу по кругу и все ищу этот цвет. Эту темную медь с багровыми подтеками. А ее уже нет.

Аня была хорошей художницей. По крайней, пока не родился Лешка. Стоило только этому орущему комку появиться в нашей жизни, Анька краски забросила. А раньше, бывало, приду домой злой (с директором поцапаемся или поставщик опять все сроки профукает), а она лежит на полу в моей старой белой майке, заляпанная, паркет весь в воде какой-то серой, покрылся маслянистыми разноцветными сгустками, а перед ней холст весь не то синий, не то серо-фиолетовый, только в левом нижнем углу маленькие-маленькие лебеди и трава еще какая-то редкая.

– Малину будешь? – Анька поворачивает ко мне свое чумазое лицо и вся светится.

– Ань, вот ведь мольберт стоит, зачем на полу снова улеглась?

– А малина с молоком! – и смеется.

Я осторожно опускаюсь на колени рядом с ней, боюсь запачкаться, а она возьми да и потянет меня на себя. Все, костюм заляпан, но я не злюсь, наоборот. Смеемся вместе, всю усталость, весь гнев, как рукой сняло. Точнее водой. Серой водой и масляными красками.

– Ну, чего лежишь? Неси малину, – Аня быстро вскакивает и несется на кухню. Возвращается с двухлитровым бидоном и пакетом молока.

– А тарелки где, а ложки?

– А зачем они? Бидон-то только наполовину полон.

Аня плюхается на пол, отрывает уголок бумажного пакета и прямо в бидон плещет молоко.

– На, – протягивает мне бидон.

Я непонимающе смотрю на нее, улыбаюсь. Она подает мне пример – запрокидывает голову и прямо из бидона льет себе в рот молочно-малиновый суп.

– Во даешь, дурында! – отбираю у нее бидон и жадно заглатываю холодное молоко со свежей малиной.

Она заливается таким чистым искренним смехом, перекачивается на живот, тарбанит ногами по полу. Еле успокоилась. Я тоже ложусь на живот, поддвигаю к себе ее синий холст, рассматриваю.

– Ань, а чего лебеди такие мелкие?

– Основа мироздания.

– В смысле?

– Чем меньше вещи, тем они важнее, – эти слова навсегда врезались мне в память.